

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

О.И. ШКАРАТАН

Евразийский вектор русского цивилизационного транзита

Статья 1. Всемирная и локальные цивилизации

Автор анализирует концептуальные подходы к цивилизационному развитию человечества, рассматривая особенности как линейно-стадиального, так и плюралистического подхода к трактовке цивилизаций. Проблема исторического выбора России связывается с теорией мультилинейности процессов развития в современном мире.

Ключевые слова: монолинейность развития, мультилинейность развития, европейский и евразийский типы цивилизаций, неевропейский модерн.

The author analyzes the conceptual approaches to the development of human civilization, especially paying attention to the stage-linearly and pluralistic approaches. Russian historical choice is associated with the theory of multi-linear processes of development in the modern world.

Keywords: monolinear development, multilinear development, European and Eurasian types of civilizations, non-European Art Nouveau.

Линейно-стадиальная теория цивилизаций

За последние годы цивилизационные исследования, сосредоточенные ранее на прошлом народов мира, все в большей мере становятся органической частью анализа современного человеческого существования. Не случайно понятие “цивилизация” постепенно перемещается с периферии в зону мейнстрима социогуманитарного знания. Постоянно проходят диспуты, затрагивающие разнообразный исторический опыт прошлого, настоящего и будущего цивилизаций. Предпринимаются основательные попытки осмыслить цивилизационный анализ как самостоятельную исследовательскую программу [Браславский, 2013].

Понятие “цивилизация” при своем возникновении означало определенную, высшую стадию в развитии человеческого общества, чьи низшую и среднюю стадии образовывали дикость и варварство. Цивилизация характеризовалась существованием общественных групп/классов, городов, письменности. Цивилизованное общество

Шкаратан Овсей Ирмович – доктор исторических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики, заведующий лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ НИУ–ВШЭ.

интерпретировалось как живой организм, состоящий из человеческих сообществ, живущих в определенной среде и зависящих от нее. Прежде всего на цивилизованное общество влияют пространство и время, а также такие несоциальные силы, как вещественные, энергетические, технологические. Как живые организмы, цивилизации имеют фазы своей эволюции: рост, дифференциация, стагнация, загнивание (распад).

Слово “цивилизация” в современном понимании как переход к цивилизованному состоянию в противовес варварству, дикости, примитивному бытию первобытных народов появилось во Франции в работе В. Мирабо “Друг людей, или Трактат о населении” (1756). На протяжении XVIII в. данное понятие в подобной интерпретации получило распространение и в других странах Европы. При этом длительное время почти в том же значении использовалось и понятие “культура”, служившее как бы дубликатом слова “цивилизация”. Так, Ф. Бродель напоминает, что в своих лекциях в Берлинском университете в 1830 г. Г. Гегель равно употреблял и то и другое слово [Бродель, 2008, с. 35–38].

Однако в дальнейшем эти слова приобрели разный смысл, причем в разных странах их трактовки не совпадали. Так, во второй половине XIX в. англосаксонские антропологи обычно применяли к изучаемым первобытным народам термин “примитивная культура”, а по отношению к развитым обществам – термин “цивилизация”. Кроме того, этот термин приобрел множественное число, поскольку стал обозначать совокупность характеристик, присущих коллективной жизни определенной эпохи (например, античность) и/или группе народов (например, французам). В итоге, по суждению Броделя, в XX в. “...цивилизация в единственном числе утратила былой блеск” [Бродель, 2008, с. 37].

Но далее слово это все чаще начинают употреблять во множественном числе. То есть происходит как бы затухание изначальной идеи просветителей XVIII в., у которых термин “цивилизация” был синонимом идеи прогресса. Тем не менее и в XX, и в XXI в., хотя и в более изощренной форме, идея цивилизации = прогресса продолжила свое существование. Так, Р. Арон утверждал, что человечество переходит на новую стадию развития, стадию единой цивилизации, способной распространиться на всю вселенную. Бродель в противовес высказывает более глубокую мысль: «...экспортируемая Западом “индустриальная цивилизация” является лишь одной из характерных черт западной цивилизации. Принимая эту ее сторону, остальной мир вовсе не принимает всю эту цивилизацию целиком... Мы полагаем, что происходит проникновение вышеназванной индустриальной цивилизации в коллективную цивилизацию планеты. Результатом этого проникновения стал, становится, станет процесс перестройки структур каждой из цивилизаций». И завершает он свой пассаж выводом: «...в течение еще долгого времени будут сосуществовать резко отличающиеся друг от друга цивилизации. Еще долго слово “цивилизация” в понятийном значении будет сохранять единственное и множественное число» [Бродель, 2008, с. 37, 38].

Итак, постепенно в научных работах по цивилизационным проблемам сложились два основных концептуальных подхода к оцениванию процессов развития в современном мире: монолинейный и мультилинейный. Согласно первому, эти процессы протекают в основном безальтернативно, в соответствии с логикой внутренне детерминированного перехода от традиционного общества к индустриальному, от индустриального – к информационному/сетевому. Принятие идеи унитарности развития человеческой цивилизации проходило под решающим влиянием гегелевской схемы “ступенчатого” развития истории к единому для всего человечества идеалу.

Определяющей для марксистского миропонимания была идея развития человечества в соответствии с линейно-стадиальной схемой смены социально-экономических формаций как фундамента любого конкретно-исторического общества. Ничем в этом отношении не отличается и либерализм. Он также признает безальтернативность пути развития человеческой цивилизации. Обоснованием этого подхода в либерализме послужили получившие развитие в 1950–1960-е гг. классические теории модернизации (У. Ростоу, Т. Парсонс). В полном соответствии с общей логикой либерального унитар-

ризма они предполагали, что есть общий для всего человечества путь, но на него не все общества вступают одновременно, поскольку мир образует иерархическую систему, где страны делятся на “эшелоны” как ушедшие вперед, так и следующие в фарватере, стремящиеся догнать находящиеся впереди. Представляется, что как марксистский, так и либеральный унитаризм (=линейно-стадиальный подход) с их безальтернативностью направленности эволюции конкретных социоисторических организмов, игнорированием взаимодействия общего и особенного в истории далеко не бесспорны. Но нельзя не обратить внимания на первичность и длительность существования именно унитаристского подхода в истории общественной мысли.

Как отметил Ю. Гранин, современный линейно-стадиальный подход сопряжен с интерпретацией глобализации как вестернизации, что «безусловно, хорошо согласуется с большим массивом исторических фактов конца XIX–середины XX столетия. Но в более длительной исторической перспективе и ретроспективе ее нельзя считать удовлетворительной, поскольку она основывается на двух, достаточно спорных, гипотезах: идее последовательного одновекторного смещения “центра” мирового развития с Востока на Запад и идее “однополярного мира”, разделенного на экономически, научно-технически, военно-политически, культурно доминирующий “центр” (Запад) и “догоняющую”, стремящуюся интегрироваться в него “периферию” (Восток, Азия). Эти идеи, в свою очередь, опираются на предположение о линейном характере исторического развития, берущее начало в оформившейся в XVIII–XIX столетиях особой традиции (иначе – “стиле”) европейского мышления. В 1970–1980-х годах в трудах арабо-мусульманских, индийских, китайских и других неевропейских историков и культурологов она получила название “ориентализм”» [Гранин, 2013, с. 58].

Идея догоняющего развития периферии вытекала из логики унитаристского подхода как концептуального основания развития стран и цивилизаций, выравнивания уровней их развития путем повторения исторического пути, пройденного странами европейской цивилизации, образовавшими первый эшелон в прогрессе человечества. Но проблема в том, что восприятие развития отсталых стран как догоняющих вперед ушедшую европейскую цивилизацию можно было принимать за реальность до конца XX в. Анализ фантастических успехов сначала Японии и России–СССР, а позднее так называемых азиатских “тигров” и, наконец, гиганта – Китая показал, что эти страны использовали опыт европейской цивилизации, но опирались на свои цивилизационные особенности, дававшие им преимущества в той конкурентной среде, которая формируется международной системой всемирной модернизации. Профессор Колумбийского университета Р. Нельсон в речи по случаю присуждения ему премии В. Леонтьева подчеркнул, что “в XXI веке чтобы догнать, страна должна мобилизовать достаточные собственные силы в соответствующих областях науки и технологий”. Этот процесс включает и обучение на Западе, и консультации западных специалистов на своей территории, и форсированное развитие местной системы образования. По мере ужесточения условий получения поддержки со стороны развитых стран догоняющие государства начинают менять свою стратегию, выдвигая на первый план продвинутое обучение и развитие исследовательской базы. При этом простое копирование, имитация опыта развитых стран обычно не означает воссоздания желаемого образца, то есть не является реальным догоняющим развитием [Евстигнеева, Евстигнеев, 2013, с. 88–89].

Как отметили авторы “Обзорного доклада о модернизации в мире и Китае (2001–2010)”, “на всех слоях и во всех аспектах всемирной модернизации мы с легкостью можем найти множество универсалий: в жизни людей, структуре, системе мышления; схожим образом, в каждой сфере или фазе всемирной модернизации легко увидеть множество различий, заключающихся в национальных стандартах, скорости развития, формах и т.д. Общие черты и различия всемирной модернизации не отталкивают друг друга; они являются проявлениями двух форм проявления объективного закона” [Обзорный... 2011, с. 232].

В литературе все чаще фиксируется тот факт, что на практике никакого сближения стран и цивилизаций, находящихся в разных “эшелонах” развития, не происходит. Напротив, как показывают авторы цитируемого Доклада, богатые страны становятся все богаче, бедные – все беднее. При расчете ВВП на душу населения по ценам на 2000 г. за период с 1960 по 2000 г. абсолютный разрыв между странами с низким и высоким уровнем дохода вырос с 8584 долл. США до 25 767 долл., а относительный разрыв увеличился с 42-кратного до 66-кратного размера. Тем не менее за эти годы целый ряд стран сумел попасть в список развитых. Главный вывод из этого анализа китайских коллег таков: “...разным странам следует вырабатывать собственную модель модернизации, так как подражание чужим моделям может оказаться рискованным” [Обзорный... 2011, с. 234].

Эти же авторы следующим образом оценивают вероятность изменения позиций стран на всемирной шкале экономического развития. За последние 300 лет среди 131 страны с населением более 1 млн человек от 12 до 20 стран можно было причислить к развитым, остальные (то есть от 89 до 113 стран) входили в число развивающихся (терминология авторов доклада). Вероятность выпадения страны из состава развитых на протяжении XXI в. китайские аналитики оценили в 8–23%, а вероятность развивающейся страны войти в число развитых – от 1 до 5%. В итоге в XXI в., скорее всего, будет около 20 развитых стран и более сотни развивающихся, из которых максимум пять войдут в число развитых [Обзорный... 2011, с. 234]. И как сквозная линия через весь доклад проводится мысль, что отставшие страны должны видеть в развитых странах модель своего будущего (желаемого) качества жизни, учиться на опыте лидеров, но в каждой из них должны быть свой жизненный уклад и своя культура, наконец, свой путь решения задач конкурентоспособности в мировой экономике.

Несмотря на всю очевидность сказанного, в публикациях и дискуссиях в научной среде продолжают выдвигаться аргументы, согласно которым единственный способ догнать передовые страны для периферийных государств состоит в имитации опыта стран европейской и североамериканской цивилизации. Догоняющая модель модернизации, соответствующая такому подходу, как показывает исторический опыт (особенно XX–XXI вв.), оказывается постоянно опаздывающей, никак не способной догнать современных лидеров экономического прогресса. Такой европоцентристский подход продолжает в силу давности традиции и по другим более прозаическим соображениям сохранять позиции мейнстрима в западной науке, которая вплоть до XXI в. доминировала в мире. Превосходство западной цивилизации перед другими развитыми цивилизациями продолжают подтверждать уже в наши дни Д. Макклоски, Г. Кларк, Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст и другие авторы [McCloskey, 2006; Clark, 2007; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011].

Плюралистический подход – многообразии цивилизаций

Не случайно лишь в последние два-три десятилетия в противовес унитаристскому подходу, в соответствии с которым процессы развития отдельных социально-исторических организмов (в современном мире обществ-государств) образуют единый процесс истории человечества, сформировался и получил научное обоснование и подтверждение мультилинейный (плюралистический) подход. Суть его в том, что человечество представляет собой совокупность относительно автономных образований, каждое из которых имеет собственную историю, свои этапы становления, развития и увядания. На смену погибшим историческим организмам и цивилизациям приходят новые, совершающие свой собственный цикл развития. Другими словами, отрицается концепция всемирной истории как единого процесса, идущего в направлении, открытому Западом. В теоретических дебатах все устойчивее звучит обоснование преобладания локального над универсальным, неединственности западного пути, развития на основе традиции, дающей возможность преодоления противоположности между традиционным и модерном.

Одним из первых сторонников плюралистического подхода был выдающийся русский ученый Н. Данилевский, автор знаменитой книги “Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому” (1869) [Данилевский, 2003]. Именно Данилевскому принадлежит мысль, что среди факторов, обуславливающих мультилинейность исторического процесса и многообразие форм развития общества, особая роль принадлежит тому или иному типу цивилизации. Последние обладают как универсальными, так и специфическими целями и критериями успешности воспроизводства своей жизнедеятельности. Эти идеи были впервые подробно развиты в упомянутой книге. По мнению ученого, “цивилизация есть понятие более обширное, чем наука, искусство, религия, политическое, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности, и цивилизация все это в себе заключает. Я говорю, что даже и религия есть понятие, подчиненное цивилизации” [Данилевский, 2003, с. 129].

Он считал, что именно анализ исторически сложившихся типов цивилизации позволяет многое понять и объяснить в прошлом, настоящем и будущем народов. Данилевский глубоко чувствовал своеобразие русского культурно-исторического типа, не признавал универсализм романо-германской культуры. Он не критиковал западноевропейскую культуру, но отрицал представление о ней как о едином и единственном типе культуры, воспринимал себя стоящим на почве иной культуры, равноправной и равноценной европейской. Противопоставляя Россию Западной Европе, Данилевский имел в виду области, населенные не только русскими (великороссами), но и украинцами и белорусами. Мысль о том, что Россия еще не завершила свое цивилизационное строительство, но, напротив, во многом только начинает свое шествие, что ей еще только предстоит сформировать свою цивилизацию, основанную на собственных духовных принципах, подробно развивается Данилевским.

Кстати, такой подход, судя по публикациям современных китаистов, был органически присущ китайским интеллектуалам, развивавшим его одновременно с Данилевским и независимо от него. Поиск собственной “самобытной” национальной модели развития еще во второй половине XIX в. привел определенную часть китайских мыслителей и политиков к идее необходимости сочетания заимствований западной техники, методов производственного управления и т.д. с сохранением ядра национальной культуры. Значительно позднее в оригинальном китайском учении, основанном на возрождении конфуцианских норм, нашли воплощение существенные черты модернизирующихся восточных цивилизаций, создав пространство для национальных концепций развития. Китайская цивилизация в итоге восстановила традиционный принцип регулирования общественной жизни – не через авторитет силы, а через силу авторитета. Такая идентичность позволила Китаю отстоять свою независимость, решив стоявшие с середины XIX в. задачи [Виноградов, 2008].

Уже в XX в. получили широкую известность построения таких сторонников исторического плюрализма, как О. Шпенглер [Шпенглер, 1993], А. Тойнби [Тойнби, 1991; 1995; 2012], Л. Гумилев [Гумилев, 1993], С. Хантингтон [Хантингтон, 2003], Г. Колодко [Колодко, 2009], и др.

Следует принять во внимание, что институциональные и ценностно-нормативные системы, задающие саморазвитие социальным организациям, свойством универсальности не обладают. А соответственно, и базирующиеся на них локальные цивилизации, и охватываемые последними нации-государства мультилинейны в своем развитии [Шкаратан, 2004; 2009]. В то же время, признание специфического развития локальных цивилизаций не означает отрицания универсальности технологий жизни в самом широком смысле этого понятия.

Видный польский экономист Колодко отмечает, что если взглянуть на историю экономического развития и застоя, то “она учит нас одному: всё решает культура. Это подчеркнул еще Макс Вебер... а прошедший век еще более подтвердил правильность такого наблюдения”. Это означает, что “мы думаем и действуем под влиянием и в рамках унаследованных религиозных, расовых, национальных, ментальных особен-

ностей”. Но выводы из констатации этого факта у Колодко не пессимистичны. Наряду с признанием, по существу, действия *path dependency theory* у него присутствует и развивается идея активной позиции индивидов и обществ: “Проблема сводится к взаимодействию культур, институтов и политики... На поле сопряжений между этими тремя большими категориями разыгрывается битва за будущее. И хотя, безусловно, протестантская культура жителей Бенилюкса или нордические черты жителей Скандинавии будут больше способствовать развитию, чем исламская культура Аравии или Сахеля – подобно тому как это было в последние несколько сот лет, – но и в этом втором случае можно придумать такое соотношение институтов и политики и попытаться так их использовать, чтобы население этих регионов тоже смогло эффективно развивать свою экономику” [Колодко, 2009, с. 403–404, 410–411].

В рамках институциональной теории некоторыми российскими экономистами была выдвинута гипотеза о различных институциональных матрицах, которые, видимо, могут быть рассмотрены как латентные механизмы функционирования и воспроизводства социоисторических организмов. Матрица выступает как устойчивая, исторически сложившаяся взаимосвязанно функционирующая совокупность базовых институтов конкретно-исторических обществ, специфических в каждой из цивилизаций. Так, проводя сравнение восточной и западной макроцивилизаций, эти авторы отмечают, что в восточной матрице, в отличие от западной, на длительном отрезке истории господствуют нерыночные механизмы, институты унитарно-централизованного государственного устройства, приоритет коллективных, надличностных ценностей [Кирдина, 2000, с. 24–29; Нуреев, 2001].

В процессе развития человечества, как ныне отмечают многие авторы, центр и периферия неоднократно менялись местами, история никогда не была однолинейным процессом и всегда складывалась из комбинации разных цивилизационных моделей развития. И современная глобализация “была (и остается) результирующей многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных цивилизационных моделей развития” [Гранин, 2013, с. 59]. Достаточно вспомнить такой общеизвестный факт, что с XII в. и по крайней мере до середины XVI в. центром торгового, экономического и в значительной мере индустриального прогресса была Азия.

Здесь, правда, приходится принимать во внимание противостояние двух оппонирующих друг другу позиций авторов. Уже неоднократно цитировавшийся Гранин, видимо, не без влияния блистательных успехов Китая 1980–2012 гг., собрал просто “букет” данных об опережающем развитии ведущих стран Азии в доколониальное время. Он напоминает, что азиатские империи значительно превосходили любые европейские государства и военной мощью, и культурным, и политическим влиянием. Приводятся данные и об использовании пороха в военных целях, и о строительстве океанских флотилий: «...даже производство чугуна в Китае базировалось на передовой технологической базе (использование кокса и непрерывная продувка домы), которая в Англии стала известна лишь 500 лет спустя, и осуществлялось на предприятиях, насчитывавших сотни рабочих. Там существовали и разветвленная транспортная сеть, и развитая финансовая система. К XIV веку в Китае имелись многие предпосылки промышленной революции, которые историки отмечают в Англии конца XVIII века. Это была, полагают исследователи, “относительно развитая рыночная экономика”, формировавшая стремление к получению прибыли и обеспечивавшая быстрое распространение передовой техники» [Гранин, 2013, с. 60].

За полстолетия до публикации этих пассажей выдающийся французский историк, один из лидеров “Школы Анналов” Бродель, уже располагавший примерно той же суммой фактов, формулирует совсем иные заключения. Его исходный и итоговый вывод таков: “Что бы ни думали влюбленные в Китай специалисты и историки, его экономика может характеризоваться как слаборазвитая, отстающая от экономики Запада”. И эту характеристику он относит не только к Китаю 1963 г., когда была написана цитируемая книга, но и к тому прошлому, которым восторгались ориенталисты. «Конечно,

речь вовсе не идет о какой-то глобальной отсталости Китая от Европы. Это отставание структур, торговых контактов, товарного капитализма – их черты более слабо очерчены, чем на Западе или в мусульманском мире. Прежде всего нет свободных городов, и это основная слабость. Отсутствует слой торговцев, которых безудержная погоня за наживой... превращает в “закваску” прогресса. Начиная с XIII в., китайские купцы готовы тратить деньги на удовлетворение своей гордости или тщеславия... но более всего их притягивают гуманитарные занятия... Можно сказать, что они лишь наполовину обладали западным капиталистическим мышлением» [Бродель, 2008, с. 206].

По мнению Броделя, классический Китай двигался к закату постепенно и достиг роковой черты к XIX в., то есть до вмешательства в его судьбу западных стран с их системой неравноправных договоров [Бродель, 2008, с. 210]. Другими словами, Бродель, в отличие от многих, подобных Гранину авторов, отрицал вероятность самостоятельного движения Китая с его сильной цивилизацией в сторону глобализированной экономики. Но всего лишь поколение спустя ему пришлось бы признать свою ошибку. Китай занял сильнейшие позиции в глобализированной экономике мира.

Хотелось бы сразу подчеркнуть, что нет надобности возводить непреодолимые преграды между монолинейным и плюралистическим принципами. И мы не можем при таком подходе игнорировать опыт предыдущих столетий, закрепленный во вполне проверяемых источниках. Этот опыт демонстрирует совершенно разные исторические варианты развития не только исчезнувших, но и ныне существующих социально-исторических организмов. Одни из них перешли в свое время от первобытности к феодализму, затем к капитализму; другие от первобытности перешли к азиатскому способу производства, а от него – к зрелым формам капитализма (постиндустриализму); третьи “застряли” на вне рыночной фазе развития, адаптировав этот тип экономики к условиям глобальной мировой системы. Мы можем рассуждать лишь в пределах определенного исторического горизонта, измеряемого жизнью нескольких ближайших поколений.

Следует отметить, что наряду с представленными двумя доминирующими концепциями (моно- и мультилинейности) была предпринята попытка создать своеобразный гибрид линейно-стадиальной интерпретации истории и концепции многолинейной эволюции. В таком понимании исторического развития одни социально-экономические системы могут быть представлены в одних социоисторических организмах, а другие – в совершенно иных. Это предполагает возможность передачи “исторической эстафеты” от одних систем социоисторических организмов к другим. Автор данной идеи глобально-стадиального понимания исторического процесса Ю. Семенов полагает, что его подход позволяет совместить “идеи единства человечества и поступательного характера его истории с фактами, свидетельствующими о разделении человечества на обособленные образования, которые возникают, расцветают и погибают” [Семенов, 2003, с. 233–234].

Теории неевропейского модерна

С конца 1990-х гг. в западной литературе сравнительно широкое распространение получают теории неевропейского модерна, множественности форм модернизации, все чаще наблюдается отказ от смешения модернизации с вестернизацией, проводятся масштабные сравнительные исследования цивилизаций. Так, британский социолог М. Музиллис справедливо критикует доминирующую в евроамериканской литературе тенденцию рассматривать траектории развития неевропейского мира (в прошлом, настоящем и будущем) как имитацию специфической западной модели развития. Он указывает на то, что западная модернизация была исторически первой, но теперь она уже далеко не единственная в мире. Более того, хотя пока западная модель и доминирует, это не означает, что подобная ситуация сохранится в следующем столетии. (Эти слова были написаны в 1999 г. И оправдались в ближайшие же годы.) Музиллис не исключал (и опять-таки оказался прав), что в недалеком будущем “полуавторитарный азиатский

капитализм может получить преобладание над своим более либеральным англосаксонским конкурентом” [Mouzelis, 1999, p. 153] (см. также [Масловский, 2008, с. 31–44]).

Эти идеи приобрели особую поддержку в развивающихся странах, где авторы акцентируют внимание на ограниченности существующих социальных теорий, неприемлемых для анализа незападных форм современного общества. Надо заметить, что и в западной научной среде сторонники столь долго доминировавшего монолинейного подхода к развитию человечества все чаще встречают обоснованное противостояние. Видный шведский ученый Б. Витрок писал: “Безусловно, ряд технологических, экономических и политических институтов, зародившихся в условиях Западной Европы, постепенно распространяется по земному шару, по крайней мере в виде идеалов, но иногда и в качестве реально действующих установлений. Однако такие процессы диффузии и адаптации отнюдь не означают, что глубокие культурные и космологические различия, скажем, между Западной Европой, с одной стороны, и Китаем и Японией – с другой, близки к исчезновению. Это только означает, что эти особые культурные единицы должны приспособиться к набору получивших всемирное распространение идей и практик и ссылаться на них. Что же касается ключевых идентичностей, то в данном отношении указанные общества продолжают сохранять те формы, которые были приобретены ими на гораздо более ранних этапах культурной кристаллизации, относятся ли данные периоды к древней эпохе или к X–XIII векам. Эти ключевые идентичности, разумеется, всегда находятся в состоянии саморазвития и по-прежнему лежат в основе глубоких космологических и социетальных оснований их цивилизаций. И было бы излишне наивным полагать, что они внезапно исчезнут”. Наличие общего глобального мироустройства “не означает, что члены отдельно взятого культурного сообщества должны отказаться от своих космологических и онтологических представлений, равно как и своих традиционных институтов” [Wittrok, 2000, p. 54–56].

В мировой практике на протяжении второй половины XX в. наибольшую известность получили две целостные и достаточно контрастные модели экономического развития – американская и японская, каждая из которых четко строится на альтернативных системах ценностей, в одном случае – достижительно-индивидуалистической, в другом – достижительно-коллективистской. Ведущие аналитики пришли к однозначному выводу, что немалую, если не определяющую, роль в ускоренном развитии послевоенной Японии сыграло квалифицированное руководство, учитывавшее в числе прочего и национальные особенности японского работника. Так, проводя экономические реформы (после Второй мировой войны), японские элиты не стали уничтожать отличавшуюся высокой солидарностью общину – архаистскую коллективистскую структуру, а напротив, использовали ее как канал реализации целей государства. Ведь община могла ответить на задачу либерализации экономики лучше, чем еще не сформировавшийся индивид и еще не сложившееся гражданское общество [Китахара, 1996; Сакаия, 1992; Пронников, Ладанов, 1983]. Япония стала первой древней цивилизованной страной, осуществившей скачок в современность. Мировое значение японских преобразований в том, что у них старые ценности явились источником институтов современности.

Всем наблюдателям совершенно очевидно, что и Китай совершает свое экономическое чудо с опорой на традиции собственной древней цивилизации, строящейся на принципиально иных основах, чем цивилизация США и Европы. Это – не индивидуалистическая, а коллективистская цивилизация, так же как и японская. По близкой к Японии модели развивались и развиваются такие новые индустриальные страны, как Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Малайзия, которые за два поколения превратились из самых отсталых аграрных в развитые индустриальные, а по ряду позиций и в постиндустриальные. Во всей этой группе государств политические системы длительное время не носят демократического характера. Лишь на сравнительно высоком уровне социально-экономического развития в некоторых из этих стран ныне укореняется демократия. Нигде не применялись формы общественной жизни, органичные для высоко развитых западных стран. Во всех них, как, впрочем, и в Японии, решающим фак-

тором стало активное участие государства в экономической трансформации, включая оптимальную для отечественных производителей налоговую таможенную политику, защиту внутреннего рынка от недобросовестной внешней конкуренции.

Именно в контексте успешного экономического развития восточноазиатских стран, Индии и ряда южноамериканских государств, прежде всего Бразилии, стала очевидной возможность незападных стран с высокой духовной культурой использовать и развивать достижения западного мира (= так называемого “ядра” мир-системы, = “золотого миллиарда”) в производстве и торговле, не жертвуя своими базовыми ценностями, традиционной культурой. В результате происходят изменения и в характере глобализации, возрастает возможность выйти из “ловушки” иерархического моноцентрического глобализационного процесса, навязанного человечеству транснациональными корпорациями, представляющими интересы элит ядра мир-системы, определявших перелив мощи и богатства с Востока на Запад и экономическое развитие народов Земли на протяжении последних пяти веков. Происходящие перемены в мироустройстве напрямую связаны с межцивилизационными взаимодействиями и переструктурированием самих цивилизаций.

Из всего вышеизложенного может быть сформулирован следующий вывод. История человечества, взятая на значительном отрезке времени, демонстрирует, что европейская цивилизация не имела и не имеет монополии на доминирование на протяжении исторической длительности. Просто так совпало, что современные обсуждения пришли на время евроцентризма и в теории, и в практике развития большинства народов, представителей духовно и технологично продвинутых западных цивилизаций.

Бродель о времени большой длительности

Обсуждая проблемы развития локальных цивилизаций за последние столетия, мы невольно опираемся на евроцентризм как ключевой принцип. Ибо на исторически коротких и средних отрезках времени (к примеру, пятидесятилетних временных единицах – классических циклах Н. Кондратьева) мы сталкиваемся с постоянным отставанием и стремлением преодолеть это отставание всех остальных цивилизаций от Запада. Но при этом игнорируем в своем анализе выдающееся открытие Броделя – **категорию “времени большой длительности” и ее социально-философский смысл**. Бродель не отказывается от исследования “кратковременных событий”. Однако он напоминает, что историки XVIII и начала XIX столетий «были, напротив, весьма внимательны к долговременным историческим перспективам, которые... были вновь “открыты” в XIX веке. Если учесть, что преодоление кратковременных масштабов исторического исследования тем более ценно, что оно чрезвычайно редко, то легко понять *выдающуюся роль истории социальных институтов, религий, цивилизаций и авангардную роль истории античного мира, связанную с необходимостью использования значительных масштабов времени...* (курсив мой. – О.Ш.)» [Бродель, 1977, с. 120–121]. И повторяя эту мысль, Бродель пишет: “Всей своей логикой новый тип исторического повествования... подводит нас к понятию исторической долговременности”. И далее: “Наука, технология, политические институты, методы познания, *цивилизации (используя принятый термин)* (курсив мой. – О.Ш.) – все это также обладает своим ритмом жизни и развития, и новая история социальных конъюнктур только тогда достигает своей цели, когда она охватит их полностью” [Бродель, 1977, с. 122].

По мнению великого французского ученого, человек – пленник своего времени, климата, растительного и животного мира, культуры, равновесия между ним и средой, создаваемого в течение столетий, равновесия которого он не может нарушить, не рискуя многое потерять. Приведя ряд примеров из разных типов экономик, Бродель завершает свое суждение мыслью об удивительной прочности “**географических рамок цивилизации**”, о постоянстве и устойчивости, с которой мы сталкиваемся и в области культуры. Если теперь вернуться к доминирующим определениям цивилизации, то в

приведенных суждениях Броделя легко обнаруживаются все основные признаки этой категории.

В концепции Броделя представлено не столько линейно упорядоченное и структурированное время, сколько иерархизация явлений в зависимости от темпа, в котором они изменяются. Именно та форма исторического времени, которую Бродель назвал “большой длительностью”, вполне адекватна локальной цивилизации как по сложности структуры, так и по течению времени. Цивилизации Бродель определял как **наиболее стойкие из человеческих ассоциаций реальности времени большой длительности**. Он считал, что **жизнь цивилизаций и является самой долгой историей**. Примером всемогущества цивилизационных традиций, по его мнению, могут служить французская и русская революции, которые не сумели переломить ни судьбу французской, ни судьбу русской цивилизаций.

Цивилизации, по логике Броделя, переваривают социальные перевороты и катастрофы. Даже смена правящего класса не меняет принципиального характера продолжающегося развития, погруженного “в большую длительность”. Цивилизация – “самый древний персонаж человеческой истории: экономики сменяли одна другую, политические институты рушились, общества следовали одно за другим, но цивилизация продолжала свой путь. Рим рухнул в V в. н.э., но Римская церковь продолжает его до наших дней. Индуизм, снова поднявшийся против ислама в XVIII в., открыл брешь, в которую проникло английское завоевание, но борьба между двумя цивилизациями и сегодня перед нашими глазами, со всеми ее последствиями, тогда как Индийская империя Англии не существует уже больше трети столетия. Цивилизация – это старец, патриарх мировой истории. В сердце любой цивилизации утверждаются религиозные ценности. Это реальность, идущая издалека, очень издалека” [Бродель, 1992, с. 60].

Счет здесь идет на столетия. В качестве примера им приведены некоторые черты экономической жизни Западной Европы, черты торгового капитализма, обладавшие большой исторической длительностью. Несмотря на все изменения, которые, бесспорно, имели место в течение этих четырех или пяти веков, мы можем констатировать, что экономическая жизнь обнаруживала определенное единство вплоть до потрясений XVIII в. Это, по суждению Броделя, значит привыкнуть ко времени, текущему настолько медленно, что оно показалось бы почти неподвижным: историю в целом можно понять только при сопоставлении ее с этим необозримым пространством медленной истории.

Именно перспектива длительной протяженности позволяет аналитику созерцать панораму всего человечества, на которой разворачивается игра цивилизаций. Долгосрочная жизнь цивилизаций в то же время не монотонна. Бродель, как и другие представители “Школы Анналов”, приводит примеры из меняющейся экономической конъюнктуры, коллективного мышления, художественных школ, литературных течений и даже преступности с ее подъемами и спадами в пределах жизнедеятельности каждой из локальных цивилизаций.

Из сказанного со всей несомненностью следует, что место конкретной цивилизации в рейтинговых позициях на шкале мирового развития не задано раз и навсегда. Обсуждая проблемы развития локальных цивилизаций, прежде всего в нашем случае – русской, мы отказываемся как от ключевого принципа – евроцентристского подхода. В течение столетий (за вычетом XV–XVIII вв.) европейские страны были далеко не в первых строчках мирового экономического и культурного развития. И как раз в наши дни, в первой половине XXI в., порядок следования цивилизаций, представляется, снова меняется, и не в пользу Европы.

Пример России достаточно показателен. Первыми в мире стали успешно осваивать достижения европейской модели развития в XVIII в., по крайней мере в военно-технической области, не японцы, не китайцы, а русские. И японцы, и китайцы, и азиатские “тигры”, в огромной степени опирались на наш русский опыт. Более того, в ходе и после Великих реформ Александра II Россия в соревновании с Японией и США во второй половине XIX–начале XX в. совершила скачок в своем экономическом и

социокультурном развитии, поразивший мир своим размахом и разносторонностью. Значит, вопрос стоит так: исчерпан ли ныне потенциал русской цивилизации или речь идет о процессах трансформации, поиске новых путей для нового рывка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Браславский Р.Г.* Цивилизационная теоретическая перспектива в социологии // СОЦИС. 2013. № 2.
- Бродель Ф.* Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М., 1992.
- Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций. М., 2008.
- Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977.
- Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., 2008.
- Гранин Ю.* “Глобализация или вестернизация?” О нелинейности исторических форм объединения человечества // Свободная мысль. 2013. № 1.
- Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. М., 2003.
- Евстигнеева Л., Евстигнеев Р.* Тайна догоняющего развития // Вопросы экономики. 2013. №1.
- Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000.
- Китахара А.* Реальность и идеальный образ общины (Япония и Таиланд) // Философские науки. 1996. № 1–6.
- Колодко Гж.* Мир в движении. М., 2009.
- Масловский М.В.* Современные теории модерна и модернизации // Социологический журнал. 2008. № 2.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
- Нуреев Р.М.* Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // Мир России. 2001. № 3.
- Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М., 2011.
- Пронников В.А., Ладанов И.Д.* Японцы. М., 1983.
- Сакаия Т.* Что такое Япония? М., 1992.
- Семенов Ю.И.* Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., 2003.
- Тойнби А.Дж.* Исследование истории. Возникновение, рост и распад цивилизаций. М., 2012.
- Тойнби А.Дж.* Постигание истории. Сборник. М., 1991.
- Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. М.–СПб., 1995.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- Шкаратан О.И.* Российский порядок: вектор перемен. М., 2004.
- Шкаратан О.И. и коллектив.* Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М., 1993.
- Clark G.* A Farewell to Alms. A Brief Economic History of the World. Princeton, 2007.
- McCloskey D.N.* The Bourgeois Virtues. Ethics for an Age of Commerce. Chicago, 2006.
- Mouzelis N.* Modernity: a nonEuropean Conceptualization // British Journal of Sociology. 1999. Vol. 50. № 1.
- Wittrok B.* Modernity: One, None or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition // Daedalus. 2000. Vol. 129. № 1.